

МОСКВА
2024

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

В. А. Жуковский

иво представляю себе, как обрадуетесь вы, друзья мои, прочитав название этой главы, увидев это имя, славное, великое, равно прославляемое русскими и в раззолоченных палатах вельмож, и в бревенчатых домиках крестьян. Любовь к Петру одинакова не только во всяком звании народа нашего, но даже, мне кажется, и во всяком возрасте. Скажите, кто из маленьких читателей моих ещё не знает его и не желает слышать всё, что рассказывают о нём? О, в этом случае не уступят им и читательницы мои! Посмотрите, какое любопытство приметно на лицах их! Удивительно ли это? Нет! Ведь они русские девочки, а даже все иностранные народы и все умнейшие писатели этих народов не могут надивиться нашему незабвенному Петру, и все в один голос называют его самым великим государем. После того как же можно нам, русским, счастьем которых Пётр посвящал каждый час своей славной жизни, менее восхищаться им?

Итак, мои милые читатели, ваше любопытство справедливо, и я сожалею, что не могу в эту же минуту удовлетворить его, несмотря на обманчивое название этого рассказа.

Ещё не настало время начать историю Петра — будущий герой России, вместе с будущим величием её, ещё покоится в детской колыбели, младенческие взоры его ещё не зажглись огнём гения, маленькие ручки ещё не чертят планов завоёванных земель и новой столицы, а беспечно играют жемчужными нитками, обвивающими шею молодой красавицы, нежно склонившейся над его колыбелью. Но кто же эта счастливица, улыбающаяся младенцу Петру? Не так ослепителен блеск царской одежды её, как очаровательно счастье, блистающее в прекрасных глазах. Кто она, отгадать нетрудно. Это молодая супруга царя Алексея Михайловича, это счастливая мать Петра.

Мать Петра! Как занимательна должна быть её история, как любопытны все подробности, её касающиеся! К тому же ведь это не первая супруга Алексея Михайловича — уже известная нам царица Мария Ильинишна, из рода Милославских. Нет, она умерла в 1669 году, и царь женат теперь на другой. Итак, маленькие друзья мои, ожидания и желания ваши не были напрасны: вы услышите историю матери Петра, узнаете, кто была она, прежде чем судьба возвела её на трон России.

Возвратимся же несколько назад, забудем, что Пётр уже родился, и представим себе то время, когда Алексей Михайлович, недавно лишившись супруги, с которой жил долго и счастливо, должен был вскоре оплакать и смерть старшего, шестнадцатилетнего сына, царевича Алексея Алексеевича. Но и эти сильные семейные горести не произвели губительного воздействия на твёрдую душу царя. С прежней неутомимостью продолжал он заниматься государственными делами. Во всём обширном царстве его

не было предмета, на который бы он не обращал своего благодетельного внимания. Собранные узаконения уже давно были изданы под названием «Уложения царя Алексея Михайловича», и эта книга, к славе мудрого государя, сделалась основанием русских законов. Послы его ездили не только в Германию, Францию и Швецию, но даже в Испанию и Италию, даже в Турцию и Китай. Для торговли с последним построены были в Сибири города Нерчинск и Иркутск. Торговля вообще была заметно улучшена в это примечательное царствование. Самые деньги получили другой вид: Алексей Михайлович учредил монетный двор, где начали чеканить серебряные рубли и полтинники. Для распространения просвещения он основал в Москве первую академию, которая называлась Заиконоспасскою. Что же касается правосудия, то редкий государь был правосуден так, как Алексей Михайлович. Кроме того, что он внимательно рассматривал все дела, какие представляли ему бояре, перед дворцом его всегда стоял запечатанный царской печатью ящик со скважиной на крышке, в которую можно было просунуть свёрнутый лист бумаги. В этот ящик каждому позволялось класть свою просьбу. Вечером его приносили к государю, который сам распечатывал его, сам рассматривал все просьбы и сам тотчас же писал на них свои решения.

В таком беспрестанном занятии делами народа великодушный Алексей проводил всю жизнь свою. Обманчивая преданность боярина Морозова рано сделала его осторожным в выборе советников и друзей. Долго искал он человека, с которым бы можно было разделить тяжесть правления, и всё боялся ошибиться.

Наконец показалось ему, что он встретил такого, что нашёл верного друга, готового пожертвовать для него и отечества жизнью. Это был думный дворянин Артамон Сергеевич Матвеев. С каждым днём царь открывал в нём новые достоинства, с каждым днём любил его более и более, и надобно сказать правду — на этот раз Алексей Михайлович не ошибся: из всех придворных его не было никого благороднее, добрее и усерднее Матвеева! Царь находил так много удовольствия в беседах с умным советником своим, что даже иногда ездил к нему в гости. С удивлением смотрели на это придворные: прежде никогда не бывало, чтобы цари русские посещали своих подданных.

Со времени кончины супруги и сына эти посещения сделались чаще, потому что, несмотря на всю твёрдость души, государь не мог не грустить о невозвратной потере милых сердцу его. Артамон Сергеевич умел развлекать его, утешать лучше всех других придворных бояр и вельмож.

Так протекли два года, и к царю возвратились прежние спокойствие и весёлость. Однажды Алексей Михайлович приехал к любимцу своему позже обычного: у боярина, не ожидавшего в тот день гостей, уже накрыт был стол для ужина. Царь, заметив небольшое замешательство хозяина, шуточно сказал, что стол накрыт очень кстати, что он проголодался и вместе с ним отужинает, только с тем, прибавил добрый государь, «чтобы за столом были все те, кто обыкновенно ужинает с тобою».

Желание царя было исполнено, и, когда кушанье подали, в комнату вошла хозяйка с сыном и молодой девушкой. Царь удивился: никогда не слышал он, чтобы у Матвеева была дочь, и никогда прежде не видал в доме его этой

девушки. За ужином удивление его увеличилось: незнакомка была красавица из красавиц. По обыкновению того времени, она мало говорила, но зато всякое слово её было так мило и умно, что восхищённый государь не мог наслушаться её голоса, не мог наглядеться на прекрасные черты её лица. Почти не спуская с неё глаз, Алексей Михайлович даже позабыл спросить, как зовут ту, которая так приятно поразила его, и не прежде как в половине ужина поздравил хозяина с такой прекрасной дочерью. Но тут узнал он, что это не дочь, а только воспитанница Матвеева. Отец её, Кирилл Полуектович Нарышкин, был небогатый дворянин, который, проживая лето и зиму в бедной деревеньке своей, был очень рад, что родственник и друг его Артамон Сергеевич взял к себе маленькую дочь его. Итак, Наталия выросла в доме Матвеева. Он и добрая жена его любили воспитанницу свою, как родное дитя, и, рано заметив чрезвычайную красоту девочки, старались украсить и ум её всеми познаниями, какие только можно было в то время доставить именитой боярышне русской. Наталия щедро вознаграждала эту любовь и эти нежные попечения: она была добра, чувствительна, прекрасна сердцем столько же, сколько наружностью. Любуясь ею, добрые Матвеевы часто думали, что как Бог помог им воспитать приёмную дочь их, так со временем поможет и выдать замуж за хорошего человека, который не посмотрит на то, что она бедная девушка.

Всё это было рассказано Алексею Михайловичу, когда он начал расспрашивать любимца своего о его прекрасной воспитаннице. Артамон Сергеевич не скрыл от доброго государя даже и того, что и он и жена его желали бы видеть милую Наталию свою замужем. Царь не только одобрил

такое желание, но, уезжая домой, сказал, что и он подумает о том, как бы найти хорошего жениха для такой прекрасной девушки, как Наталия.

Он и подлинно начал думать об этом, и вообразите, кто был этот жених, которого он выбрал для счастливцы? Это был он сам! Да, прелестная дочь Нарышкина так пленила царя своей наружностью, а воспитание, полученное ею в доме умного Артамона Сергеевича, так хорошо ручалось за её душевные способности, что он решился сделать её супругою своею и на той же неделе приехал сказать об этом Матвееву. Вы можете представить себе, как удивился добрый воспитатель Наталии! Сначала думал он, что слышит это во сне, но потом, когда государь повторил ещё раз слова свои, Матвеев упал к ногам его и умолял оставить это намерение: оно предвещало счастливому любимцу царя столько опасностей от зависти вельмож, и без того уже не любивших его за это счастье, что он с ужасом смотрел на блистательную судьбу Наталии. Алексею Михайловичу приятно было видеть бескорыстную преданность верного подданного и друга. Он ласково поднял его и старался успокоить искренними уверениями о том, что никогда никакие причины не заставят его переменить расположение своё к тому, кто так часто доказывал ему своё усердие и верность.

По просьбе Матвеева царь не сказал в тот день Наталии ни слова о любви своей, но исполнил старинный обряд русских государей. Вы, верно, догадаетесь, друзья мои, что я говорю о том собрании красавиц, из которых царь обыкновенно выбирал невесту свою. Да, и в этот раз они съехались в Кремлёвский дворец. Робко всходила на великолепное

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ
(ТИШАЙШИЙ)

Годы жизни 1629–1676

Годы правления 1645–1676

ДЕТИ

Феодор	Евдокия
Иоанн	Екатерина
Пётр	Мария
София	Феодосия
Марфа	Наталья

Мария
Милославская

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
(ТИШАЙШИЙ)

Наталья
Нарышкина

ОТЕЦ

Михаил Фёдорович
(1613–1645)

ПРИМЕЧАНИЯ

Дети от первого брака Алексей, Дмитрий, Анна, Симеон,

Евдокия-младшая умерли в раннем возрасте.

Дочь от второго брака Феодора умерла в младенчестве.

Ни одна из дочерей Алексея Михайловича не вышла замуж.

крыльцо царское и Наталия, с удивлением размышляя, отчего и её — бедную и вовсе незнатную девушку — назначили в список невест. Подле неё шла нежная воспитательница её, супруга Матвеева, которая знала причину этого назначения и очень желала сказать её своей милой, ненаглядной питомице, но Артамон Сергеевич запретил это, и она молчала до тех пор, пока участь Наталии была тайной для неё самой и для всех, но с той минуты, как счастливая девушка названа была царевною и в великолепном наряде невесты государя приготовлялась принимать поздравления от всего двора, терпение доброй боярыни кончилось, и она сказала воспитаннице своей всё, что знала о любви к ней государя.

Вот, милые читатели, подробности второго супружества царя Алексея Михайловича. Свадьба была 25 января 1671 года. Редкое счастье его и молодой царицы сделалось совершенным в достопамятный, навеки незабвенный для России день — 30 мая 1672 года. Это был день рождения Петра. Хотя у Алексея Михайловича и остались от первой супруги два сына, царевичи Феодор и Иоанн, но оба были такого слабого здоровья, что вовсе нельзя было надеяться на продолжительную жизнь их, и потому царь восхищён был рождением третьего! Может быть, счастливый отец предчувствовал славу новорождённого. Но небо отказало ему в блаженстве видеть, как чудесно развивались великие силы необыкновенного ребёнка: младенчество Петра не протекло на глазах родителя — прежде чем исполнилось ему четыре года, Алексей Михайлович скончался.

отя наследник царя Алексея Михайловича, девятнадцатилетний сын его Феодор, был от самого рождения своего слаб и болен, но душевные силы его были достойны знаменитого отца. Имея перед глазами великий пример, он старался продолжать всё начатое им, старался исполнять во всём волю его и, кроме того, сделал много и собственных улучшений в отечестве нашем. Непродолжительное, но примечательное царствование Феодора прославилось тем, что он уничтожил местничество, причинявшее так много вреда. Тем из маленьких читателей моих, которые не понимают этого слова, я расскажу, что местничество — значит спор между дворянами о том, чьи предки были знатнее и древнее родом.

Этот спор делал много зла между спесивыми боярами нашей старинной России. Например, если случалось, что какой-нибудь внук или правнук из знаменитого поколения поступал на службу под начальство такого человека, предки которого были менее знатны, то уж этот гордый потомок важного дедушки ни за что не хотел исполнять приказаний своего начальника и не хотел служить с ним, хотя бы за это

его даже казнили. Можно представить себе, как часто это могло случаться и как много было таких споров! Для разбора их учреждено было особенное присутственное место, которое называлось Разрядным приказом¹. Несчастные чиновники, служившие там, или, как тогда их называли, приказные люди, не имели ни одного дня отдыха: беспрестанно надобно было разбирать какую-нибудь ссору о сущем вздоре — без обиды можно сказать нашим почтенным предкам!

Ну, скажите, милые друзья мои, можно ли было спорить о том, чьи предки важнее! Уж пускай бы они спорили о собственных достоинствах — ещё можно бы переносить с терпением такой спор, а то какой-нибудь молодой повеса не хотел слушать почтенного и умного начальника потому только, что его дедушка сделал такое-то важное дело и был такой-то славный человек. Да ведь сделал-то дедушка, а не он! Нет, он этого и слушать не хочет, твердит себе, что он его родной внук, да и только. И от такого безрассудного спора часто в военное время проигрывали сражения, а иногда и теряли выгоды целой войны! Цари Михаил Феодорович и Алексей Михайлович очень

¹ В старину почти все присутственные места назывались приказами. Кроме Разрядного, в Москве были приказы: 1) Посольский, где рассматривались все дела, касающиеся сношений с иностранными государствами; 2) Поместный, где были дела о землях, розданных чиновникам за службу; 3) Казанский, где были дела царств Казанского, Астраханского и Сибирского; 4) Большой приход — это было государственное казначейство; 5) Бронный — этот, верно, походил на наши нынешние арсеналы и литейные дворы, потому что здесь заготовлялось оружие; 6) Житный — сюда относились все запасы магазинов; 7) Холопий суд, или приказ, где разбирались дела о крепостных людях. Другие присутственные места назывались просто избами — например, Дворцовая изба, Стрелецкая изба, Ямская изба. Названия ясно показывают, какие дела рассматривались в каждой из них.

старались уничтожить понемногу этот вредный предрассудок, но честь совершенного уничтожения его принадлежит Феодору Алексеевичу.

В 1681 году он созвал к себе на совет патриарха и всех знатнейших бояр и сановников и предложил им подумать о том вреде, какой причиняет в России это безрассудное местничество. Им не нужно было долго думать: беспрестанные примеры доказывали этот вред.

Итак, в совете государя положено было уничтожить это зло. Для того надобно было истребить все разрядные книги дворян: тогда исчезли бы доказательства знаменитости, а вместе с ними и все споры о ней. Вот Феодор Алексеевич и приказал принести все эти книги в сени дворца своего и тут же сжечь.

Когда всё это было исполнено при боярине Долгорукове, которому государь поручил это дело, и при всех бывших тут митрополитах и архиепископах, Феодор объявил, чтобы с этого времени никому ни с кем никакими преимуществами — ни родом, ни службою — не считаться и никого малыми чинами и бедностью не упрекать. Вместо же разрядных книг позволил дворянам иметь родословные дворянские, начатые не прежде чем в царствование Иоанна Васильевича. Так уничтожились старинные споры местничества, а вместе с ними и все несчастья, от них происходившие.

Но больной и слабый Феодор не одним этим делом заставлял подданных своих помнить о себе. Почти каждый день он присутствовал в Большой Думе царской, каждый день принимал всякого, кто имел нужду лично о чём-нибудь просить его, каждый день делал какое-нибудь новое благодеяние для народа своего. Как часто целое семейство

было спасаемо им от бедности, как часто целым селениям прощал он казённые подати, обращал кроткими увещаниями несколько сот магометанских подданных своих в христианство или выкупал христиан из плена турецкого. Одним словом, слушая о делах Феодора Алексеевича, нельзя думать, что всё это делал государь, беспрестанно страдавший и с каждым днём ослабевавший в силах¹. Напротив того, в отечестве нашем приметна была в это царствование беспрестанная деятельность — во многих местах учреждались новые училища, строились богоугодные дома для бедных, больницы для страждущих. В Москве появилась даже новая академия — Славяно-греко-латинская. Сам государь очень часто посещал все эти новые, основанные им заведения — обычно верхом на прекрасной лошади. Верховая езда была его страстью. И эту самую страсть он умел сделать полезною: видя, что государь любит прекрасных лошадей, все старались иметь их, и с тех пор завелись у нас конские заводы и появились у многих хорошие лошади.

Но вот чего терпеть не мог Феодор — это излишней роскоши в одежде и вообще во всём. Он даже издал на этот случай указ, в котором запрещено было носить дорогие платья, особенно татарские, и приказано было носить наряд

¹ В царствование Феодора Алексеевича был, однако же, горестный случай — ссылка знаменитого боярина Артамона Сергеевича Матвеева по клевете боярина Милославского, пользовавшегося в это время большой силой при дворе. Великодушный друг царя Алексея Михайловича сослан был в Пустоозерский острог, место холодное и безлюдное, где он не столько плакал о несчастье и бедности своей, как о том, что лишён был возможности благотворить. Феодор Алексеевич, поверив совершенно хитрому Милославскому, был в сильном гневе на Матвеева.